

Кроме того, мы предложили и другое нововведение – способ философствования с помощью чисел, которому следовали античные теологи, особенно Пифагор, Аглаофам, Филолай, Платон и первые платоники, но который был забыт по небрежению потомков, как и прочее прекрасное, так что теперь он едва обретает некоторую форму. Платон писал в «Послезаконии», что среди всех свободных искусств и умозрительных наук более божественной является наука числа. На вопрос, почему человек умнее животного, он отвечал – потому что умеет считать. Об этом упоминает и Аристотель в «Проблемах». Абуназар писал, что, по мнению Авензоара Вавилонского, тот знает все, кто владеет искусством исчисления. Нельзя было бы правильно судить о вещах, если бы под наукой о числах понималось искусство счета, в котором особенно опытни сейчас купцы. Это отмечал Платон, открыто предостерегая нас от того, чтобы мы не считали божественной арифметику торговцев. В надежде, что после долгих бессонных ночей мне удалось овладеть возвышенной арифметикой, я и обещал, осознавая опасность такого дела, публично ответить с помощью математики на 74 вопроса, которые считаются главными среди тезисов о природе и Боге.

Мы выдвинули и положения о магии, смысл которых в том, что есть две магии, одна из которых полностью основана на действиях и власти демонов, что чудовищно и подлежит осуждению; другая же, если хорошо поразмыслить, есть не что иное, как завершающая ступень философии природы. Греки упоминают и ту и другую, одну называя колдовством и не считая ее достойной имени «магия», другую же – высшую и совершенную науку – обозначая специальным термином «магия». В самом деле, как утверждает Порфирий, на языке персов «магия» значит то же, что у нас – толкование и почитание божественного.

Итак, отцы, есть большое, даже громадное различие между этими науками. Одну осуждают не только христианская религия, но все законы, всякое хорошо устроенное государство. Другую одобряют и ценят все ученые, все народы, серьезно занимающиеся изучением астрономии и теологии. Первая – самая лживая из наук, вторая – надежная и прочная. Всякий, кто занимался первой, всегда делал это тайно, потому что на ее сторонников это навлекало позор и бесчестие; другая стала источником высшей научной славы и почета как в древности, так и в более поздние времена. Среди тех, кто занимался первой, никогда не было ни философа, ни человека, стремящегося к изучению наук, а для овладения второй Пифагор, Эмпедокл, Демокрит, Платон пересекали море и по возвращении восхваляли ее, хотя не раскрывали ее тайн. Первую нельзя обосновать ни доводами, ни ссылками на авторитеты; вторая прославлена выдающимися основателями, особенно двумя – Ксальмосидом, которому следовал Аббарис Гиперборейский, Зороастром, но не тем, о котором вы, возможно, думаете, а сыном Ормузда. На наш вопрос, чем является та и другая магия, отвечает Платон в «Алкивиаде»: магия Зороастра – это наука о божественном, которой персидские цари обучали сыновей, чтобы те на примере небесного царства научились управлять своим собственным государством. А в «Хармиде» он говорит, что магия Ксальмосида – это медицина души, благодаря которой достигается душевное самообладание так же, как благодаря другой медицине здоровью тела. Этому мнения придерживались позже Каронд, Дамигерон, Аполлоний, Останес и Дардан. Придерживался ее и Гомер, скрывший ее, как и все другие науки, под видом странствований своего Улисса, – я постараюсь доказать это когда-нибудь в своей "Поэтической теологии". Следовали этому Евдокс и Гермипп и пости все те, кто исследовал мистерии Платона и Пифагора. Из более поздних, кто занимался магией, я назову троих: Алкинда Араба, Роджера Бэкона и Гвилельма Парижского. Упомянул о ней и Плотин, говоривший, что маг – слуга, а не хозяин природы. Этот ученейший муж, поддерживая и обосновывая одну магию, к другой испытывал столь сильное отвращение, что, будучи приглашен на таинства злых демонов, вполне справедливо ответил, что будет лучше, если они ему представятся, чем он им. Одна магия делает человека рабом, подверженным влиянию злых сил, другая их повелителем и господином. Наконец, одна не может завоевать себе ни имени искусства, ни звания науки, а другая включает в себя богатство древних мистерий, ведет к глубочайшему проникновению в скрытые тайны явлений, к познанию природы в целом. Одна, как бы призывая из тьмы к свету среди сил, порожденных и рассеянных в мире милостью Бога, не столько творит чудеса, сколько усердно служит творящей их природе. Другая глубоко изучает гармонию вселенной, которую греки более выразительно называли (взаимное тяготение), и всматривается пристально в тайны природы, воздавая каждой вещи должное почитание – так называемую ворожбу магов – в уединенных местах, на лоне природы, в тайниках Бога, выставляя на всеобщее обозрение тайные чудеса, и благодаря этому сама она как бы является их творцом. И как крестьянин подвязывает виноградные лозы к вязам, так маг сочетает землю с небом, то есть